DOI 10.25991/VRHGA.2025.2.2.013
УДК 930 (091)

П. Н. Базанов*

ИСТОРИК Н. И. УЛЬЯНОВ О КУЛЬТУРЕ И САМОСОЗНАНИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Знаменитый представитель второй «волны» русской эмиграции, философ, культуролог и историк Николай Иванович Ульянов (1904–1985) был одним из первых бывших советских граждан, обратившихся к анализу культурного феномена Русского Зарубежья. Особенно нужно подчеркнуть, что Н. И. Ульянов был младшим современником Серебряного века, и достижения русской эмиграции были для него органичным продолжением русской культуры начала столетия. Профессиональный историк, Н. И. Ульянов был одним из первых русских мыслителей, оценивших вклад в мировую цивилизацию культуры первой эмиграции. Анализируется статья Н. И. Ульянова «Культура и эмиграция», полностью посвященная исследуемой теме. Также показаны отзывы современников на данную статью историка, полемика вокруг этой работы. Исследуется эволюция взглядов Н. И. Ульянова на культуру и самосознания русской эмиграции. Показана аргументация его сторонников и оппонентов, посвященная будущему русской эмиграции. Рассматривается тема патриотизма соотечественников в зарубежье, прославивших Россию даже в вынужденном изгнанье. Особое внимание уделяется известным статьям Н. И. Ульянова «После Бунина» и «Десять лет». Раскрываются

* Базанов Петр Николаевич — д-р ист., наук, проф., bazanovpn@list.ru, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Россия, 191187, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 2–4; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Россия, 191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Petr N. Bazanov — D.Sc. (Hist.), Prof., bazanovpn@list.ru, Saint Petersburg State Institute of Culture, Russia, 191187, Saint Petersburg, Dvortsovaya Nab. 2–4; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Russian Christian Academy of Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

особенности восприятия историком партийности в культуре и политического влияния на литературу. Показаны его взгляды на элитарность культуры русской эмиграции.
Ключевые слова: Н. И. Ульянов, русская эмиграция, первая «волна», история, культура, самосознание.

P. N. Bazanov

HISTORIAN N. I. ULYANOV ON THE CULTURE AND SELF-AWARENESS OF THE FIRST RUSSIAN EMIGRATION

The famous representative of the second "wave" of Russian emigration, philosopher, culturologist and historian Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904–1985) was one of the first former Soviet citizens who turned to the analysis of the cultural phenomenon of the Russian abroad. It should be especially emphasized that N. I. Ulyanov was a younger contemporary of the Silver Age and the achievements of the Russian emigration were for him an organic continuation of the Russian culture of the beginning of the century. Professional historian N. I. Ulyanov was one of the first Russian thinkers who appreciated the contribution of the culture of the first emigration to world civilization. The article by N. I. Ulyanov "Culture and Emigration" is analyzed, which is entirely devoted to the topic under study. The article shows the responses of contemporaries to this article by the historian, the controversy surrounding this work. The evolution of N. I. Ulyanov on the culture and self-awareness of the Russian emigration. The argumentation of his supporters and opponents is shown, dedicated to the future of the Russian emigration. The topic of patriotism of compatriots abroad, who glorified Russia even in forced exile, is considered. Particular attention is paid to the famous articles of N. I. Ulyanov "After Bunin" and "Ten Years". The features of the historian's perception of party spirit in culture and political influence on literature are revealed. His views on the elitism of the culture of the Russian emigration are shown.
Keywords: N. I. Ulyanov, Russian emigration, first "wave", history, culture, self-awareness.

В многообразном творческом наследии самого знаменитого представителя второй «волны» русской эмиграции Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) традиционно выделяют исследования по истории украинского сепаратизма, размышления о решении национального вопроса в России, литературную критику и даже талант прозаика [5; 4; 6, 7]. За рамками изучения оказываются идеи историка о развитии отечественной культуры [см. также: 3, с. 16–319; 5, с. 382–389]. Н. И. Ульянов по праву может считаться основателем изучения культурного наследия и особенностей самосознания русской эмиграции. Он был одним из первых русских людей, попавших под очарование Русского Зарубежья, достижений культуры соотечественников межвоенного периода, прославивших Россию даже в изгнанье. Н. И. Ульянов, как и большинство советских людей, мало что знал о Русском Зарубежье и стал фактически первым историком культуры первой волны русской эмиграции. Тревога за понижение уровня русской культуры за рубежом проходит через все творчество Н. И. Ульянова.

Историк выделял русскую эмиграцию как уникальную среди всех эмиграций мира. В его концепции истории России, большое значение имела тема страданий русского народа, неизбежно приводивших к великим подвигам и достижениям:

«Недостатков у эмиграции много и говорить о них надо, но если счесть все удары и невзгоды, обрушенные на нее извне, то ясно станет, что это самая

многострадальная из всех эмиграций, которые когда-либо существовали» [цит по: 22, с. 3].

Проблема взаимоотношений представителей различных «волн» русской эмиграции — любимая тема современного эмигрантоведения — плавно переходит в обсуждение самых актуальных вопросов исторической науки [9, с. 5–6]. Различия между первой и второй эмиграции, конечно, существовали. Люди, воспитанные в СССР или прожившие в советском режиме 1920–1930 гг., отличались от покинувших Родину вовремя или сразу после Гражданской войны. По мнению автора данной статьи, противоречия в основном не носили культурного направления, а были чисто политическими. Когда надо, представители первой и второй «волн» всячески подчеркивали любую разницу друг между другом, и наоборот, со временем, в изгнании, в иноязычном и неправославном окружении, находили все больше общего. Понятно, что монархисты и совпатриоты из первой эмиграции резко осуждали власовцев за коллабрационизм или за советское прошлое, а те в ответ напоминали 25-летнюю оторванность от советской действительности на Родине.

Различия между первой и второй эмиграциями были любимой темой в публицистике русской эмиграции. Эмигранты из первой «волны» были, из-за особенностей дореволюционного воспитания, большими идеалистами. Соотечественники из второй «волны», прошедшие все особенности советской жизни, являлись прагматиками и реалистами.

Положение Н. И. Ульянова во второй «волне» русской эмиграции уникальное. Современники, лично его знавшие, неизменно подчеркивали, что историк по культуре принадлежит «Серебряному веку». Представители первой «волны» признавали его за «своего» и подчеркивали отсутствие даже следов советского, социалистического эксперимента. Такое мнение высказывали знаменитые поэты Георгий Иванов [11, с. 102] и А. А. Биск [1, с. 113]. Причем они довольно критически относились к послевоенным эмиграциям из России. На той же позиции стоял главный редактор «Нового журнала» Ю. Д. Кашкаров из третьей эмиграции [14, с. 150].

Историк и культуролог, Н. И. Ульянов доказывал, что достижения первой «волны» Русского Зарубежья являются прямым продолжением «Золотого» и «Серебряного» века. Еще в самом начале своей эмиграции историк выступил с речью «Культура и эмиграция» на праздновании «Дня Русской культуры» в Касабланке (Марокко) 5 августа 1951 г. Доклад перед русской аудиторией в глухом углу нашей диаспоры получил заслуженную известность. Через год речь была напечатана в самом уважаемом периодическом издании Русского Зарубежья в «Новом журнале» [27]. Статья вызвала многочисленные отзывы в прессе и дискуссии о будущем русской эмиграции. Профессор Гарвардского университета, главный редактор «Нового журнала» М. М. Карпович, написал развернутый отзыв в своей рубрике «Комментарии» [12, с. 273–284]. В переписке он характеризовал статью как «превосходную» и хотел выпустить в виде брошюры как рекламу журнала [13, с. 48–49]. Откликнулись известная публицистка Е. Д. Кускова [15, С. 2–3], меньшевик Г. Я. Аронсон [2, с. 2,8] и др. [29, с. 9].

В «Культуре и эмиграции» Н. И. Ульянов высказал несколько абсолютно неоспоримых идей. После революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. —

«Лучшие писатели, музыканты, художники, балет, опера, виднейшие представители науки ушли в изгнание» [27, с. 264]. Выделил и главное в истории Русского Зарубежья: «Проблема русской культуры в эмиграции — это проблема духа» [27, с. 271]. Провидчески еще в 1952 г. историк писал о первой «волне»:

> «Эмиграция поэтому имела законные основания считать себя монопольной обладательницей русской культуры. Придет время, когда этот период ее существования станет предметом специальных исследований, о нем будут написаны книги, и тогда в полной мере откроется, какими огромными силами располагала зарубежная Россия. В течение трех десятилетий русские профессора вписывали блестящие страницы в историю университетов Запада, русские инженеры участвовали в крупнейших сооружениях нашего времени, музыка во главе с Глазуновым, Стравинским, Прокофьевым, Рахманиновым царила безраздельно, в мировой столице живописи, в Париже, наши художники завоевали себе видное место. О балете и говорить не приходится, он остался непревзойденным. Даже литература, труднее всех пережившая отрыв от родной почвы, создала шедевры, приобретшие мировую известность. Не говорю о большой культуртрегерской роли эмиграции как популяризатора и распространителя русского искусства и русского знания за границей» [27, с. 264].

Не все были полностью согласны со всеми постулатами доклада и статьи Н. И. Ульянова. Писатель и публицист Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) — автор ставшей уже классической, много раз переиздававшийся книги «Незамеченное поколение» — о «детях» первой «волны», — начинает повествования с дискуссионным призывом, обращенным к Николаю Ивановичу:

> «Выступление Н. Ульянова представляется мне чрезвычайно важным. Соглашаясь с ним в главном, я все-таки чувствую, что не все его утверждения я могу принять. … Повесть “эмигрантских сыновей” — повесть слишком грустная. Судьба не послала им удачи, не дала возможности проявить себя в каком-нибудь большом, человеческом начинании. Они были обречены стать людьми гораздо более лишними, чем все “лишние люди” русского прошлого. Но все-таки, неужели действительно ни одного имени, ни одного громкого дела? Ульянов не назвал даже Набокова-Сирина, литературная гениальность которого, казалось бы, дает ему право на некоторую известность. Не упомянул Ульянов и Бориса Вильде и Анатолия Левицкого, героев так называемого “дела Музея Человека”. А уж это ли не “громкое дело”? Ульянов — Ди-Пи, и не его вина, что в той эмигрантской среде, куда он попал, никто не мог ему рассказать о судьбе целого поколения молодых апатридов, прошедших в изгнании страшную школу одиночества, нищеты и отверженности и все-таки в условиях необычайно трудных пытавшихся быть русскими интеллигентами. Как могло случиться, что зарубежная Россия о них ничего не знает? Действительно ли они ничего не свершили ни в одной области творческого, человеческого действия? Так ли это? Правда ли? Предлагаемая книга пытается дать ответ на эти вопросы» [8, с. 15–16].

Фактически весь последующий текст своей книги В. С. Варшавский посвящает опровержению неверного тезиса Н. И. Ульянова, ставшего хрестоматийным заблуждением в эмигрантоведении.

Критически отнесся к «Культуре и эмиграции» Н. И. Ульянова общественный деятель и дипломат В. А. Маклаков. В письме Е. Д. Кусковой 18 мая 1953 г. он писал о правоте историка про состояния культуры русской эмиграции в послевоенный период, но категорически был против концепции «Второй России» за рубежом. К тому же В. А. Маклаков считал, что у всей второй «волны» и лично у Н. И. Ульянова завышенные требования и ожидания к уровню первой эмиграции [30, л. 53 об.].

Благодаря переписке с общественно-политическим деятелем С. П. Мельгуновым можно выяснить, что Н. И. Ульянов считал главным в своем анализе изучения русской эмиграции и на чем хотел поставить основной акцент:

> «Ни Вы, ни Карпович не захотели почему-то обратить внимание на то место моей статьи, где я заявляю, что культурные завоевания эмиграции имеют значение политических завоеваний. Если прусский учитель, победивший при Садовой, выглядит вполне политической фигурой, то в наших эмигрантских условиях его, учителя, политическая роль значительно превышает удельный вес наших Бисмарков и Мольтке. Бисмарки за 30 лет своих зарубежных подвигов ни разу не подумали о том, что станется с эмиграцией и с ее политической миссией после их смерти? Ни разу не задумались над тесной *зависимостью политики от судеб культуры*. Неужели Вам не ясно, что появление таких ублюдочных организаций молодого поколения … и прочие власовские группы, равно как солидаристы, — объяснимо только как результат некультурности? Неужели неясно, что от монархического лагеря люди шарахаются прочь не столько по причине его "реакционности", сколько из-за полного отсутствия там культурных сил и выдающихся людей? Представьте теперь судьбу социалистического сектора, после того как горсточка могикан, сидящая в Америке, — сойдет со сцены и представительство перейдет *к их наследнику СБОНРу*? От него будут так же шарахаться, как ныне шарахаются от монархистов. Я уже не говорю о том, что с падением культурного уровня падет и число занимающихся политикой. Поэтому так противопоставлять политику "культуртрегерству", как это делаете Вы, мне представляется неверным. Вместе с Вами я роль эмиграции понимаю как политическую, но решительно отказываюсь под политикой разуметь одни только пропагандные статьи и листовки, партийные платформы, манифесты и дебаты или всевозможные соглашения и блоки. Это только одна из сторон политической деятельности, представляющаяся мне в нынешних условиях наименее ценной (по этой причине я ее и беру в кавычки). Политикой для меня является также забота о сохранении и приумножении духовных национальных ценностей как величайшего козыря в борьбе за возрождение России. Именно пренебрежение и забвение этой задачи заставило меня сделать на ней акцент» [32, л. 1].

Н. И. Ульянов, выступая против примата политики над культурой в эмиграции, приводил в качестве доказательства историю еврейской диаспоры, сохранившейся в веках. За подобные сравнительно-исторические аналогии историк был заподозрен ультрареакционными монархистами из бразильского журнала «Владимирский вестник» в том, что фамилия Ульянов — это псевдоним, а сам автор, скорее всего, еврей [23, с. 28–29]. Хорошо еще, что В. Раскатов не знал про его псевдоним Н. Шварц-Омонский, а ведь мог и «настоящую» фамилию историка «вычислить»… Ту же идею Н. И. Ульянов объясняет и письме С. П. Мельгунову:

«В истории иудаизма был момент, когда вожди почувствовали тщетность надежд на скорое восстановление еврейского государства, и тогда пересмотрена была вся политика восстаний, заговоров, интриг при иностранных дворах. Восторжествовала политика дальнего прицела, направленная на сохранение живых физических и духовных сил народа, упрочения его культуры, религиозных и национальных связей. И эта политика оказалась наиболее дальновидной. Не хочу проводить здесь какой-нибудь аналогии с нашим положением, ссылаюсь на этот факт лишь в оправдание законности своей постановки вопроса. Когда я говорю: "политически мы примитивны, архаичны и дали много образцов нашей несостоятельности», то разумею политику в ее ходячем, обыденном понимании, призывая к другому политическому курсу"» [32, л. 1 об.].

В многостороннем творчестве Н. И. Ульянова особое место занимают статьи «После Бунина» [28] и «Десять лет» [26]. Статьи спровоцировали массовые дискуссии о судьбе зарубежной литературы, падении уровня художественной прозы и поэзии во второй половине XX в. Сам же историк в письме А. М. Ремизову он признавался: «Смерть Бунина — только предлог. Главное отдать отпор литературной шпане, готовой немедленной приступить к ликвидации зарубежной литературы» [18, л. 1]. Н. И. Ульянов постоянно выражал обеспокоенность отсутствием наследников у великих русских писателей и деятелей культуры первой «волны». Считал, что со смертью каждого знаменитого деятеля утрачивается великая русская культура. Например, узнав, что умер эсер В. М. Зензинов, кратко написал — «Уходящая Россия» [35, л. 1 об.].

Н. И. Ульянов, прожив в СССР все 1920–1930-е гг., отрицательно относился к вмешательству утилитарной политики в литературу и культуру. Социальный заказ коммунистической партии, концепция «социалистического реализма» превращали многообразную и разностороннюю русскую культуру в агитационно-пропагандистское приложение к официальной идеологии. Историк отмечал проникновение данной тенденции и в эмиграции. До Второй мировой войны этим славились произведения беллетристов П. Н. Краснова, Н. Н. Брешко-Брешковского, а после 1945 г. «народные монархисты» И. Л. Солоневич, Б. Н. Ширяев стали подводить под свои художественные произведения теорию в виде «монархического реализма». По их мнению, в любом произведении эмигрантской культуры должен быть антисоветизм и пропаганда царизма. Н. И. Ульянов же считал ошибочной распространенную зрения о влиянии литературы на политическое сознание масс. Также он придерживался «искусства ради искусства», выдвинутую в Серебряном веке нашими декадентами, обосновывая ее правоту достижениями культуры Декаданса. Пресловутую ленинскую партийность Н. И. Ульянов выводил из «писаревшины» XIX в., считая самым примитивным и утилитарным восприятием культуры и литературы. Еще до публикации «Культуры и эмиграции» Н. И. Ульянов, обсуждая ее текст с С. П. Мельгуновым, выражает своем о партийности в эмиграции, впоследствии выраженное в статье «Застигнутый ночью» о В. Ф. Ходасевиче:

«Большое спасибо Вам за отзыв о моем докладе. Я сам чувствовал, что мне не хватает знания эмигрантского прошлого, и это меня беспокоит. Но мне хочется знать, много ли глупостей я наговорил на этой почве? В одном Вы меня не убедили. Это когда оспариваете утверждение о том, что писатели в эмиграции, чтобы быть

напечатанным, — надо уживаться около какой-нибудь политической группы или партии. Ссылка же на "Возрождение" в данном случае неудачна. Оно является единственным журналом, широко открывающим (*иногда, м. б., слишком широко*) двери всем без различия и независимо от партийной принадлежности. Но назовите мне другой подобный же журнал. Даже "Новый журнал", старающийся быть беспартийным, не выдерживает этой марки. Всему не левому очень трудно туда проникнуть. Еще труднее не монархисту попасть на страницы правой печати и уж совсем невозможно чужому человеку печататься у солидаристов» [31, л. 1].

Статьи Н. И. Ульянова вызывали неизменные дискуссии в кругах эмиграции. В особенности посвященные истории и будущему русского зарубежной литературе и культуре. Известный иранист и дипломат В. П. Никитин хотя и написал А. М. Ремизову, что «статья Ульянова "После Бунина" (Нов. Журн. XXVI) подняла бурю в стакане воды, застигшие литературные круги общества» [25, л. 15], но внимательно следил за полемикой и даже 6 мая 1954 г. читал «статью Завалишина в "Нов[ом] Р[усском] Слове" о тревоге Ульянова на русскую культуру» [25, л. 16]. Через несколько лет В. П. Никитин опубликовал свои размышления на эту тему. В статье «Две эмиграции» он доказывал их принципиальное различие:

«Две волны русской политической эмиграции, старая и новая, есть только следствие торжества коммунистического режима на родине. Но единство причины не породило однородности двух эмиграций. И на это есть свои основания. И все же Н. И. Ульянов прав, утверждая, что новая эмиграции и через тридцать лет будет "новой". Объективное различие двух эмиграций несомненно.Их общий протест против режима не устраняет их объективной исторической и политической сути, а значит, и их разности. Физически новая эмиграция представлена разными поколениями. По возрасту среди нее есть люди, родившиеся и сформировавшиеся в дореволюционную эпоху, как и большинство старой эмиграции; другие вошли в революцию детьми и формировались уже в советскую эпоху; третьи родились в послереволюционное время и являются полностью его продуктом» [17, с. 3].

В. П. Никитин в своей статье отстаивал концепцию, что в среде самой первой «волны» не появилось великих достижений, все известные деятели не только сформировались, но и были знамениты на Родине.

«В первые двадцать лет своего существования старая эмиграция чувствовала себя носителем русской культуры. В этой ипостаси она несомненно много сделала в деле ознакомления всего мира с русской культурой. Однако старая эмиграция не создавала деятелей культуры, будучи в рассеянии. Таланты и имена, которыми она гордится, расцвели еще в России, на родной почве. В эмиграцию они пришли уже будучи известными» [17, с. 3].

С В. П. Никитиным был совершенно не согласен публицист и прозаик С. М. Рафальский. Он, наоборот, считал, что «волны» слились в одно культурное пространство и в качестве примера приводил творчество Н. И. Ульянова.

«И лучшее тому доказательство тот факт, что эмиграция вторая — послевоенная, еще состоящая из российских, не успевших осоветиться людей, — так же естественно вошла в российское Зарубежье, как выпрыгнувшая из губительного

невода рыба уходит в воду. И если одни из самых заметных ее представителей Н. Ульянов как-то раз печатно пожаловался на отсутствие блеска и остроты в эмигрантских деяниях времен послевоенных, — то как на пример того, что должно было бы быть, он указал на "Золотой век" эмиграции первой» [24, с. 2].

Литературный критик В. К. Завалишин, пристрастно относившийся к творчеству историка, как раз его идеи про эмиграцию полностью поддерживал:

«Тревога за судьбы русской культуры, которая может остаться без достойных наследников, преследует Ульянова годами. Как ни горестно признаваться в этом, Ульянов во всех отношениях прав, когда он определяет качественное соотношение последних скиптроносцев эмигрантской литературы с теми, кому и в будущем доведется представлять русскую культуру и в России и вне России. Ульянов не без оснований опасается, что эта культура через одичание и опошление выродится в полукультуру или даже в бескультурье» [10, с. 8].

С Н. И. Ульяновым полемизировал журналист и многолетний член руководства НТС Б. В. Прянишников. В своей статье с символическим названием «Сорок лет» последний справедливо не противопоставлял великую русскую культуры в эмиграции антикоммунистической борьбе:

«Н. Ульянов, конечно, прав: "писать в эмиграции — это миссия". Но писать может лишь тот, у кого имеется творческий стимул. Мало того, нужна и благоприятная для творчества обстановка. У т. н. "старой" эмиграции и свое время были налицо все эти требования. Во-первых, за рубеж ушел целый кусок старой России, органически с нею связанный тысячами культурных нитей и традиций. Ведь не случайно появилось в эмиграции понятие "Зарубежье" с большой буквы! Во-вторых, все верили в то, что большевики — явление весьма временное. В-третьих, за рубеж ушли писатели с большим стажем и известностью, писатели, создавшие ряд книг мирового значения. В-четвертых, к их услугам были многочисленные книгоиздательства в Берлина, Праге, Париже и других центрах эмигрантского рассеяния. В-пятых, была многочисленная читательская масса, страстно тянувшаяся назад к России и поддерживающая своих писателей. В-шестых, у эмиграции было остро понимание возложенной на нее судьбою культурной и политической миссии. И, наконец, в седьмых — жажда беспощадной борьбы с коммунизмом. Были и силы для такой борьбы, была и сама нередко героическая борьба вплоть до смелых боевых вылазок в Россию. И на поверку вышло, что для существования русской литературы, как и русской культуры вообще, нужна родная почва, родная обстановка, родные образы, словом — сама Россия» [21, с. 3].

Оригинальной для 1950-х гг. была идея Н. И. Ульянова, что Париж является третьей русской культурной столицей. Он прямо так и писал А. М. Ремизову: «мне кажется, русские так любили его, что он сделался нашей третьей столицей» [18, л. 2].В другом письме писателю историк сравнивает столицу Франции с родным городом: «Страшно грущу по Парижу. Это единственный город после Петербурга, куда меня тянет, как домой» [20, л. 1], а также желание туда переехать, «будь у меня деньги или сколь-нибудь сносный заработок в Париже» [18, л. 2]. В современном эмигрантоведении восторжествовала концепция, что Берлин, Париж и Нью-Йорк были не просто центрами культуры русской эмиграции, а «столицами» Русского Зарубежья.

Более поздние взгляды на историю, культуру и самосознание русской эмиграции известны благодаря устному докладу Н. И. Ульянова 7 ноября 1965 г., подробно зафиксированному Г. Н. Раковским. Историк, анализируя вехи существования отечественной диаспоры, показывает ее уникальное положение. С одной стороны, борьба советских спецслужб и гигантского агитационно-пропагандистского аппарата СССР при поддержке заграничных компартий, долгие годы видевшего в эмиграции самого опасно врага. С другой — «помощь» Запада, который под видом борьбы с большевизмом с русофобских позиций отстаивал свои корыстные интересы.

> «Русской эмиграции отказывают в элементарном сочувствии. Она — парня среди прочих эмиграций. Ей дорого обошлась иллюзии о помощи Запада, который никогда не стремился к уничтожению большевицкого строя в России. … Ярость Запада, вызванная послевоенной внешней политикой советского правительства, перенесена была на русский народ, на историческую Россию. Вспомнили все антирусские памфлеты столетней давности, использовали даже расовые теории гитлеровца Розенберга. … Большевиков считали учениками царской политики, а коммунистическую агрессию объясняли "извечным русский империализмом"» [цит по: 22, с. 3].

Отдельно затрагивает Н. И. Ульянов тему сменовеховства и «совпатриотизма» в эмиграции: «Эмигрантский карась клюет на приманку советской сирены: "Россия, национальность, народ…"». Б. В. Прянишников выражал сходные мысли: «И большевизм всеми своими действиями в Зарубежье доказал, что он боится эмиграции как носительницы идей, как ядра, вокруг которого при известных обстоятельствах может сложиться мощное антикоммунистическое движение» [21, с. 3].

Нельзя упрекать Н. И. Ульянова и в идеализации русской эмиграции. Еще в марокканский период он писал: «А вообще очень жаль, что в эмиграции не существует хорошей, солидно поставленной критики» [33, л. 1]. Историк в 1950-е гг. постоянно предсказывал скорую деградацию культуры Русского Зарубежья, про это он писал С. П. Мельгунову:

> «Мне хотелось ответить на Ваш недоуменный вопрос, почему эмиграция кончается? Во-первых, потому что уже не остается серьезных и солидных людей. Их можно пересчитать по пальцам. Опыт показал, что только деятели Вашего поколения представляют Россию и являются людьми полноценными. Новая эмиграция и старо-эмигрантская молодежь, возросшая за границей (вроде нац. мальчиков (НТС. — *П. Б.*)), — это уже не Россия, а что-то совсем особое. Морально-этическое начало у них отсутствует, культуры никакой, и еще меньше политической школы. Стиль, который они насаждают в политике, — ужасен и отвратителен. … Другая причина, по которой эмиграции скоро сойдет со сцены, — это ее полное культурное вырождение. Скоро у нас не остается людей, которые могли бы достаточно представлять нас перед западным миром. А Вы ждете, что новая эмиграция создаст "какой-нибудь хороший орган печати". Никогда она его не создаст. Некому» [34, л. 1–1 об.].

Всегда выделяя высокий уровень русской эмиграции в «столицах», Н. И. Ульянов очень низко оценивал культуру соотечественников в провин-

ции. Особенно доставалось нашей диаспоре в стране кленового листа: «Что эмиграция вне Парижа — сброд со всей России, — Вы (А. М. Ремизов. — *П. Б.*) совершенно правы. Особенно здесь, в Канаде. Тут девятьсот тысяч руссов, и все мертвые души» [19, л. 1]. То же писал С. П. Мельгунову: «Русская эмиграция в Канаде является сейчас образ того, что с нею будет скоро во всем мире, — образец дикости, пошлости и мещанства. Молодежь быстро денационализируется» [34, л. 2].

Денационализация русской эмиграции радует, в понимании Н. И. Ульянова, только врагов России — западных русофобов и коммунистов:

> «Денационализированный эмигрант уже не вызывает опасений у большевиков. Больше всего их беспокоил и беспокоит факт существования России за рубежом. Сколько бы ни смеялась советская власть над жалким положением русской эмиграцией, она тратит огромные средства на ее уничтожение. В народной сознании эмиграция играет революционную роль. Эмиграция внушает большевикам мистический страх. … Ведь тогда презираемая заграничная Россия станет фактором огромною значения. Задача эмиграции — уцелеть и сохранить себя до наступления долгожданного дня… Но нужно не только сохранить себя, но и оказаться достойный своей миссии. Не велика заслуга пустить в Россию самодовольных обывателей, гордых тем, что они ни на йоту не изменились» [цит. по: 22, с. 3].

Именно такой процесс произошел в 1990-е гг.

Известный культуролог Русского Зарубежья А. Р. Небольсин в своем выступлении перед Советом Федерации сказал:

> «Как я понимаю культурную миссию русской эмиграции? …это борьба с модернизмом. Великие русские эмигранты Н. С. Арсеньев, В. В. Вейдле, историк Николай Иванович Ульянов. Это борьба за христианскую цивилизацию. … Но даже коммунизм был частью того движения XX в., которое называю модернизмом. Культ современности, наживы, культ жадности и в общем антихристианское движение» [16, с. 229].

Далее он уточняет свою мысль:

> «Эмигранты оказались обязаны защищать христианскую цивилизацию, так ее можно назвать, даже в других странах. Многие из них понимали роль России и потенциальные роли, и, может быть, теперь Россия опять возьмет инициативу в этой роли, что Россия как бы защищает мировую цивилизацию от всяких ее врагов. Вот незыблемые принципы русской эмиграции» [16, с. 230].

Н. И. Ульянов в своих выступлениях и работах подчеркивал кредо Русского Зарубежья: «Теперь смысл существования эмиграции только один — **быть Россией за пределами России**» [цит. по: 22, с. 3]. Как пророческое завещание оставил историк свой тезис нашим соотечественникам, оказавшимся за пределами Родины: «Каждый русский, живущий в зарубежьи, обязан ныне сам себя спрашивать: “Что ты сделал сегодня для культуры?”» [27, с. 272].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азадовский К.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Нов. материалы, I. Париж; СПб., 2001. С. 95–141.

2. *Аронсон Г.* Новый журнал. Книги 27 и 28 // Новое русское слово. 1952. 11 мая. С. 2, 8.

3. *Базанов П. Н.* Культура в творчестве мыслителя русского зарубежья Н. И. Ульянова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 4. С. 178–186.

4. *Базанов П. Н.* Патриотизм и любовь к Родине как отличительная черта самосознания первой и второй «волн» русской эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3–1. С. 228–236.

5. *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

6. *Базанов П. Н.* Русская культура в творчестве Н. И. Ульянова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 4. С. 316–325.

7. *Базанов П. Н.* Русский мыслитель Николай Иванович Ульянов о феномене украинского сепаратизма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. № 1. Т. 16. С. 157–168.

8. *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 388 с.

9. *Гагкуев Р. Г.* Проблемы изучения Гражданской войны в России: сегодня и завтра // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 5–8.

10. *Завалишин В.* После Бунина // Новое русское слово. 1954. 25 апр. С. 8.

11. *Иванов Г.* Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 гг. СПб., 2010. 632 с.

12. *Карпович М. М.* Комментарии: 1. Эмиграция и культура. Эмиграция и политика // Новый журнал. 1952. № 28. С. 273–284.

13. *Карпович М., Гуль Р.* Письма о «Новом журнале» // Новый журнал. 2002. № 226. С. 21–62.

14. *Кашкаров Ю. Д.* Меж двух берегов: литература русского зарубежья вчера и сегодня // Москва. 1993. № 7–8. С. 149–155.

15. *Кускова Е.* [Рецензия] // Новое русское слово. 1952. 22 мая. С. 2–3.

16. *Небольсин А. Р.* [Выступление в Совете Федерации РФ: «Я скажу несколько слов»] // Российское Зарубежье: История и современность. М., 1998. С. 229–230.

17. *Никитин В.* Две эмиграции // Новое русское слово. 1959. 12 апр. С. 3.

18. Отдел рукописных фондов ФГБУ культуры Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ОРФ ГЛМ). Ф. 156. Оп. 3. Д. 401 Письмо Н. И. Ульянова — А. М. Ремизову, 24 июня 1954 г. Л. 1.

19. ОРФ. ГЛМ Ф. 156. Оп. 4. Д. 544. Письмо Н. И. Ульянова — А. М. Ремизову, 7 февр. 1954. Л. 1.

20. ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 959. Письмо Н. И. Ульянова — А. М. Ремизову, 25 янв. 1954 г. Л. 1–2.

21. *Прянишников Б.* Сорок лет // Новое русское слово. 1959. 27 янв. С. 3.

22. *Раковский Г.* День Непримиримости // Новое русское слово. 1965. 9 нояб. С. 3.

23. *Раскатов В.* «Святой Иуда» // Владимирский вестник. Сан–Паулу, 1955. № 46. С. 28–29.

24. *Рафальский С.* Посткоммунистический коммунизм // Новое русское слово. 1978. 17 сент. С. 2.

25. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ). Ф. 256. Оп. 2. Д. 41. Remisoviana. 1954. 27 лл.

26. *Ульянов Н. И.* Десять лет // Новое Русское Слово. 1958. 14 дек. С. 2; 17 дек. С. 2; 18 дек. С. 2.

27. *Ульянов Н. И.* Культура и эмиграция // Новый журнал. 1952. № 28. С. 261–272.

28. *Ульянов Н. И.* После Бунина // Новый журнал. 1954. № 3 6. С. 134–156.

29. *Ходотов Н.* Новый журнал. Книга 28 // Народная правда. N. Y., 1952. № 2 (20). С. 9.

30. Hoover Institution on war, revolution and peace; Stanford University (HIA). V. A. Maklakov Collection. Box. 10. Fold. 13. Письмо В. А. Маклакова — Е. Д. Кусковой. 18 мая 1953 г. Л. 53–53 об.

31. London School of Economics and Political Science Coll. No Melgunov (LSE). Письмо Н. И. Ульянова — С. П. Мельгунову 10 нояб. 1951 г. Л. 1.

32. LSE. Письмо Н. И. Ульянова — С. П. Мельгунову. 17 июня 1952 г. Л. 1.

33. LSE. Письмо Н. И. Ульянова — С. П. Мельгунову 21 марта 1952 г. Л. 1.

34. LSE. Письмо Н. И. Ульянова — С. П. Мельгунову 8 февр. 1955 г. Л. 1–2.

35. Yale University Library, Manuscripts and Archives Beinecke Rare Book. The Roman Gul' Papers. GEN MSS 90 as. Ser. 1. Box. 14. Fail. 356. Письмо Н. И. Ульянова — Р. Б. Гулю. Л. 1–1 об.

REFERENCES

1. Azadovskii, K. Aleksandr Bisk i odesskaia "Literaturka" [Alexander Bisk and the Odessa "Literaturka]. In: *Diaspora: Nov. materialy, I.* Parizh; Saint Petersburg, 2001, pp. 95–141 (in Russian).

2. Aronson, G. Novyi zhurnal. Knigi 27 i 28 [Novyi zhurnal. Books 27 and 28]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1952, 11 maia, pp. 2, 8 (in Russian).

3. Bazanov, P. N. Kul'tura v tvorchestve myslitelia russkogo zarubezh'ia N. I. Ul'ianova [Culture in the works of the thinker of the Russian diaspora N. I. Ulyanov]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii,* 2016, tom 17, no. 4, pp. 178–186 (in Russian).

4. Bazanov, P. N. Patriotizm i liubov' k Rodine kak otlichitel'naia cherta samosoznaniia pervoi i vtoroi "voln" russkoi emigratsii [Patriotism and love for the Motherland as a distinctive feature of self-awareness of the first and second "waves" of Russian emigration]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii,* 2023, tom 24, no. 3–1, pp. 228–236 (in Russian).

5. Bazanov, P. N. (2018) *"Petropol'skii Tatsit" v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaia Ul'ianova* ["Petropol Tacitus" in exile: The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 511 s. (in Russian).

6. Bazanov, P. N. Russkaia kul'tura v tvorchestve N. I. Ul'ianova [Russian culture in the works of N. I. Ulyanova]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii,* 2017, tom 18, no. 4, pp. 316–325 (in Russian).

7. Bazanov, P. N. Russkii myslitel' Nikolai Ivanovich Ul'ianov o fenomene ukrainskogo separatizma [Russian thinker Nikolai Ivanovich Ulyanov on the phenomenon of Ukrainian separatism]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii,* 2015, no. 1, tom16, pp. 157–168 (in Russian).

8. Varshavskii, V. S. (1956) *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generatio]. N'iu-Iork, izd-vo im. Chekhova, 388 s. (in Russian).

9. Gagkuev, R. G. Problemy izucheniia Grazhdanskoi voiny v Rossii: segodnia i zavtra [Problems of Studying the Civil War in Russia: Today and Tomorrow]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki,* 2020, no. 4, pp. 5–8 (in Russian).

10. Zavalishin, V. Posle Bunina [After Bunin]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1954, 25 apr, pp. 8 (in Russian).

11. Ivanov, G. (2010) *Georgii Ivanov — Irina Odoevtseva — Roman Gul': Troistvennyi soiuz. Perepiska 1953–1958 gg.* [Georgy Ivanov — Irina Odoevtseva — Roman Gul: Triple Alliance. Correspondence 1953–1958]. Saint Petersburg, 632 s. (in Russian).

12. Karpovich, M. M. Kommentarii: 1. Emigratsiia i kul'tura. Emigratsiia i politika [Comments: 1. Emigration and Culture. Emigration and Politics]. In: *Novyi zhurnal,* 1952, no. 28, pp. 273–284 (in Russian).

13. Karpovich, M., Gul', R. Pis'ma o "Novom zhurnale" [Letters about the "Novy Zhurnal]. In*: Novyi zhurnal,* 2002, no. 226, pp. 21–62 (in Russian).

14. Kashkarov, Iu. D. Mezh dvukh beregov: literatura russkogo zarubezh'ia vchera i segodnia [Between Two Shores: Literature of the Russian Diaspora Yesterday and Today]. In: *Moskva,* 1993, no. 7–8, pp. 149–155 (in Russian).

15. Kuskova, E. Retsenziia [Review]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1952, 22 maia, pp. 2–3 (in Russian).

16. Nebol'sin, A. R. Vystuplenie v Sovete Federatsii RF: "Ia skazhu neskol'ko slov" [Speech in the Federation Council of the Russian Federation: "I Will Say a Few Words"]. In: *Rossiiskoe Zarubezh'e: Istoriia i sovremennost'*. Moskow, 1998, pp. 229–230 (in Russian).

17. Nikitin V. Dve emigratsii [Two Emigrations]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1959, 12 apr, pp. 3 (in Russian).

18. Otdel rukopisnykh fondov FGBU kul'tury Gosudarstvennogo muzeia istorii rossiiskoi literatury imeni V. I. Dalia (ORF GLM) F. 156. Op. 3. D. 401 Pis'mo N. I. Ul'ianova — A. M. Remizovu, 24 iiunia 1954 g. L. 1 (in Russian).

19. ORF. GLM. F. 156. Op. 4. D. 544. Pis'mo N. I. Ul'ianova — A. M. Remizovu, 7 fevr. 1954. L. 1 (in Russian).

20. ORF GLM. F. 156. Op. 4. D. 959. Pis'mo N. I. Ul'ianova — A. M. Remizovu, 25 ianv. 1954 g. L. 1–2 (in Russian).

21. Prianishnikov, B. Sorok let [Forty Years]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1959, 27 ianv, pp. 3 (in Russian).

22. Rakovskii, G. Den' Neprimirimosti [Day of Intransigence]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1965, 9 noiab, pp. 3 (in Russian).

23. Raskatov, V. "Sviatoi Iuda" ["Saint Judas"]. In: *Vladimirskii vestnik*. San–Paulu, 1955, no. 46, pp. 28–29 (in Russian).

24. Rafal'skii, S. Postkommunisticheskii kommunizm [Post-Communist Communism]. In: *Novoe russkoe slovo,* 1978, 17 sent., pp. 2 (in Russian).

25. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) (RO IRLI). F. 256. Op. 2. D. 41. Remisoviana. 1954. 27 ll (in Russian).

26. Ul'ianov, N. I. Desiat' let [Ten Years]. In: *Novoe Russkoe Slovo,* 1958, 14 dek., pp. 2; 17 dek., pp. 2; 18 dek., pp. 2 (in Russian).

27. Ul'ianov, N. I. Kul'tura i emigratsiia [Culture and Emigration]. In: *Novyi zhurnal,* 1952, no. 28, pp. 261–272 (in Russian).

28. Ul'ianov, N. I. Posle Bunina [After Bunin]. In: *Novyi zhurnal,* 1954, no. 36, pp. 134–156 (in Russian).

29. Khodotov, N. Novyi zhurnal. Kniga 28 [Novy Zhurnal. Book 28]. In: *Narodnaia pravda,* N. Y., 1952, no. 2 (20), pp. 9 (in Russian).

30. Hoover Institution on war, revolution and peace; Stanford University (HIA). V. A. Maklakov Collection. Box. 10. Fold. 13. Pis'mo V. A. Maklakova — E. D. Kuskovoi. 18 maia 1953 g. L. 53–53 ob. (in Russian).

31. London School of Economics and Political Science Coll. No Melgunov (LSE). Pis'mo N. I. Ul'ianova — S. P. Mel'gunovu 10 noiab. 1951 g. L. 1 (in Russian).

32. LSE. Pis'mo N. I. Ul'ianova — S. P. Mel'gunovu. 17 iiunia 1952 g. L. 1 (in Russian).

33. LSE. Pis'mo N. I. Ul'ianova — S. P. Mel'gunovu 21 marta 1952. L. 1 (in Russian).

34. LSE. Pis'mo N. I. Ul'ianova — S. P. Mel'gunovu 8 fevr. 1955 g. L. 1–2 (in Russian).

35. Yale University Library, Manuscripts and Archives Beinecke Rare Book. The Roman Gul' Papers. GEN MSS 90 as. Ser. 1. Box. 14. Fail. 356. Pis'mo N. I. Ul'ianova — R. B. Guliu. L. 1–1 ob. (in Russian).